

«ТЫ НИКОГДА НЕ ПОЛЕТИШЬ В КОСМОС!» (ФАНТАСТИЧЕСКОЕ В ПОВЕСТИ В. МЕДВЕДЕВА «СВЕРХПРИ- КЛЮЧЕНИЯ СВЕРХКОСМОНАВТА»)

Поздняков К.С.

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра журналистики, доцент

Повесть В. Медведева «Сверхприключения сверхкосмонавта», представляющая собой вторую часть цикла о похождениях советского школьника Баранкина, впервые рассматривается как серьёзный и многоуровневый текст. Произведение, написанное в 1977 году, выходит за рамки развлекательного чтения «для детей и юношества», являясь одновременно и оригинальным переосмыслением сложившихся к тому времени сюжетов научной фантастики, и серьёзным размышлением по поводу проблем коммуникации.

Ключевые слова: фантастика, детектив, гендер, образ, детская литература.

Для большинства читателей советский писатель Валерий Медведев навсегда останется автором одной книги – сказочной повести для детей «Баранкин, будь человеком!», постоянно переиздаваемой, экранизированной, с прямолинейной финальной моралью, заключающейся в том, что лучше всего быть человеком. Думается, что вторая повесть про Баранкина,

«Сверхприключения сверхкосмонавта» (1977), весьма слабо соотносится с первой. Хотя автор предисловия к дилогии «Фантазии Баранкина» М. Коршунов, отмечая некоторые сложности сиквела, в конечном итоге дал весьма прямолинейную и однозначную интерпретацию произведения: «Интересно, что юмор писателя, его добрый смех сменяются здесь иронией. Автор не щадит своего героя – самовлюблённого зазнайку, решившего, что ему одному суждено стать «...не просто космонавтом, но сверхкосмонавтом, сверхлидером, первым в мире».

В чём же причина такого конфликта? (...) ...не может из человека, если он противопоставляет себя окружающим, получиться настоящий человек.

Финал повести лиричен. Кризис «космической» болезни миновал, а душевное смятение героя – верный признак его выздоровления! (...) Наконец-то герой заговорил «сердцем»! Это всё дало ему возможность понять и оценить красоту земли, увидеть её по-новому» [2; 5].

Получается, что перед читателем очередная история перевоспитания Баранкина, просто превращение, происходящее с героем, ровно противоположного рода: в первом случае Юра хотел сбежать от работы и учёбы, а в этот раз переучился и переработал. Можно было бы на этом остановиться и присоединиться к выводам Коршунова и прочих авторов коротких рецензий на «Сверхприключения». Однако бесхитростные тезисы вызывают сомнения при первом же зна-

комстве с самим стилем повествования, радикально отличающимся от простой и доходчивой первой части.

Вступление к повести сразу же отсылает к классике мировой литературы, «Рукописи, найденной в Сарагосе» Яна Потоцкого. Авторское предуведомление пародийно названо «Рукопись, найденная в школьном портфеле». Да и сама вводная часть отсылает к сонму произведений преромантической и романтической литературы: повествователь в первых же строчках признаётся, что собственно творцом не является, поскольку он лишь обнаружил данный манускрипт, рукопись или записал в точности чей-то рассказ. Именно подобную форму повествования довёл до абсурда Потоцкий, бесконечно воспроизводя рамочную конструкцию до тех пор, пока читатель не начинал путаться, в каком из «текстов в тексте» он находится. Подобное начало произведения настраивает на дальнейший поиск скрытых смыслов и отсылок, поэтому можно предположить, что В. Медведев вряд ли ориентировался только на «детей и юношество».

Д.Л. Быков в нескольких своих статьях и выступлениях справедливо обращает внимание на поэтику советских произведений, предназначенных якобы только для детей. Например, вполне репрезентативное суждение о Леониде Пантелееве: «ему пришлось с этим тайнознанием всю жизнь просидеть в спасительном гетто детской литературы. Там вообще позволялось многое, как и в фантастике: советская

власть больше всего занималась реализмом и больше всего боялась его» [1; 91].

Детская литература, в частности, сказочные, фантастические произведения становились своеобразным «убежищем» для многих талантливых авторов. Подобные произведения всерьёз не воспринимались. Достаточно вспомнить, что впервые рассказ Зощенко «Приключения обезьяны» был напечатан в журнале «Мурзилка», и там его никто не заметил, зато после перепечатки того же самого текста в издании для взрослых начался процесс, приведший к исключению литератора из Союза Советских писателей. В «Сверхприключениях...» есть отсылка к творчеству Е. Шварца (заклинание из пьесы «Снежная королева» вспоминает одноклассница главного героя), указывающая, что, как и в произведениях автора «Тени» и «Дракона», фантастическое, сказочное становится лишь своего рода прикрытием для серьёзных размышлений, несводимых к однозначному выводу об успешном перевоспитании человеконенавистника.

Желание стать космонавтом было весьма распространено среди советских детей. Космические полёты получали романтико-героический ореол, советская эстрада воспевала покорение других планет Солнечной системы и т.д. Детская увлечённость космосом отражена в рассказе В. Драгунского «Удивительный день», многочисленных стихотворениях для детей Ю. Синицына, Г. Сапгира, А. Хайта и др. Но главный герой «Сверхприключений...» существенно отличается

от классического героя советской детской литературы Дениски и его компании. Сменив свою фамилию на менее приметную, Иванов, Юрий Баранкин решает стать не просто космонавтом, а сверхкосмонавтом. Убеждение в том, что именно он должен исполнить великую миссию, приводит персонажа к постоянным конфликтам с окружающими. Однако стоит отметить, что «зазнайство», описанное Коршуновым, или гордыня рождаются отнюдь не на пустом месте.

Юрий Иванов – это действительно фантастический персонаж, обладающий феноменальной памятью и таким же набором знаний. В отличие от «игр в космонавта», описанных Драгунским, Иванов занимается по определённой системе, используя все подручные средства и все возможности, чтобы приблизить свои тренировки к подготовке настоящих космонавтов. Единственное, что он полностью исключает из своей жизни – это сфера искусства. При этом сам герой пишет книгу воспоминаний, становясь автором произведения про себя, превращаясь в столь неприятную ему фигуру литератора. Осуждение подобной гордыни звучит нелепо, с таким же успехом можно было осудить Холмса за его заявление о нежелании занимать мозги ненужными знаниями (очевидная параллель к этой мысли литературного сыщика звучит в словах Иванова о том, что человек использует ничтожную в процентном отношении долю возможностей своего мозга). Негативно оценивая главного героя, критик будто не захотел заметить его окружение.

Нужно отметить, что все столкновения и конфликты главного героя с коллективом происходят по причине повышенного внимания, которое класс проявляет к Иванову. В ходе повествования выясняется, что Юрий становится главной мишенью для своих ровесников: ему придумывают всевозможные обидные прозвища (Угрюм-башка, Кроссворд, Дух изгнания, Всесторонний, Хампьютер) (то, что с помощью этих именований героя пытаются оскорбить, становится ясно из контекста и указания на интонации одноклассников). Именно Иванова высмеивает в трёх (!!!) своих пьесах школьный литератор Борис Кутырёв, причём ни один другой школьник или одноклассник главного героя не предстаёт в этих представлениях драмкружка в негативном свете.

Одно из прозвищ Иванова, Дух изгнания, отсылающее к лермонтовскому «Демону», появляется не случайно. В повести обнаруживается переключка с другим произведением М.Ю. Лермонтова, «Героем нашего времени». Маслов – главный враг Иванова – представляется осовремененным аналогом Грушницкого, ненавистника Печорина. Маслов тренируется в кружке юных космонавтов, но, по мнению Юрия, во время ответственной космической миссии может понадобиться только в качестве массовки. Есть в «Сверхприключениях...» и своеобразный парафраз дуэли Печорина и Грушницкого. Поединки между космонавтом Масловым и сверхкосмонавтом Ивановым происходят на репетиции драмкружка и на ат-

тракционах, в обоих случаях заканчиваясь поражением первого. Как и Печорин, Иванов одерживает верх над ожившей пародией.

Характерно, что упомянутый Борис Кутырёв, школьный сатирик, собирающийся стать писателем, обнаруживает свою полную профессиональную некомпетентность. Главный герой, якобы не разбирающийся в художественной литературе, вынужден объяснять «литератору» базовые теоретические понятия:

« - Вы меня хотите симитировать или спародировать?

- Видишь ли, Иванов, - сказал Кутырёв как-то смущённо, - я думаю, что для тебя не будет большой разницы, что мы будем делать – имитировать тебя или пародировать.

- Вот, вот, Кутырёв, вот в этом ты и ошибаешься. Для меня очень даже большая разница, что вы будете делать – имитировать или пародировать меня. Потому что, раз ты смешиваешь в одну кучу понятия «симитировать» и «спародировать», то я тебе должен объяснить, растолковать, что имитатор схватывает не только внешние черты образа, он проникает в самый характер, в самую душу образа иного лица. А пародирование – это утрированное изображение чего-то, злое или добродушное передразнивание. Ты, Кутырёв, учитываешь разницу или нет?

- Учитываешь...

- Очень хорошо... Уж если ты в пародировании не разбираешься, но учитываешь, и то хорошо» [3; 127].

Сами произведения Кутырёва отличаются низкопробным юмором, обилием штампов, пьесы представляют своего автора далеко не в лучшем свете. Несмотря на свой «сатирический уклон», сценарист и режиссёр драмкружка совершенно не разбирается в литературе. Попытка Бориса поставить пародию на научную фантастику выливается в нелепую клоунаду, увенчанную каламбуром «Вдоль по Юпитерской» (внимательный ко всем деталям Иванов, видимо, запоминает название одной из частей сумбурного действия и во время первой попытки заняться музыкой начинает напевать песню «Вдоль по Питерской», словно нарочно уничтожая неприятный ему каламбур).

Критический взгляд Иванова на своих «современников» вообще выглядит вполне оправданно. «Уклон» каждого из них на фоне серьёзных усилий главного героя смотрится нелепо:

Алла Астахова с «газетным уклоном» совершенно не к месту использует штампы из советских газет, называя своего же одноклассника Колесникова «свидетелем минувших эпох»;

Жариков с «физико-математическим уклоном» называет себя вундеркиндом (так что обвинения главного героя в зазнайстве в контексте подобных диалогов выглядят не совсем оправданно);

Наконец, Колесников, увлекающийся таинственными случаями, придаёт всему происходящему форму фантастического детектива, повествующего о по-

хищении пришельцами людей и подмене их двойниками (по аналогии можно вспомнить «Шепчущего во тьме» Лавкрафта или «Кукловодов» Хайнлайна, хотя на нынешний момент вариаций подобного сюжета в фантастической литературе предостаточно).

На фоне всех этих персонажей Юрий Иванов воспринимается как романтический герой, вступивший в бой с превосходящими силами противника. При этом тезис Коршунова о том, что только в финале человеческое начало в герое одерживает верх, абсолютно неверен. По всей повести даются намёки на то, что герой вовсе не ограниченный и донельзя возгордившийся подросток: несмотря на свою нелюбовь к литературе, он симпатизирует сказкам Ани Бруновой; его высказывания, кажущиеся одноклассникам словами мизантропа, совершенно безобидны; Юра достаточно глубоко анализирует содержание присылаемых ему стихов и т.п. Непонимание же со стороны окружающих лишний раз свидетельствует об их лени и об отсутствии эрудиции.

В результате, в повести намечается несколько детективных линий, связанных с мистикой и фантастикой:

1. Юрий Иванов пытается понять, кто раскрыл тайну его засекреченной жизни (об этом свидетельствуют регулярно получаемые им стихи, полные намёков на миссию, которую сам себе придумал главный герой);

2. Окружающие (в первую очередь, одноклассники и родной отец) пытаются раскрыть тайну главного героя, в финале утверждая, что он – инопланетянин, присланный на Землю. Последняя линия получает зеркальное отражение в сюжете произведения, так как своей главной миссией сверхкосмонавт Юрий Иванов считает установление контакта с инопланетным разумом. Впрочем, о последнем пункте читатель узнаёт не сразу, поэтому детективная интрига присутствует и в данном случае.

На протяжении повести конфликт между главным героем и окружающим его коллективом лишь нарастает. Например, слежка за Юрием Ивановым переходит все мыслимые границы: всё начинается с Колесникова, под невинным предлогом выведывающего что-то в квартире сверхкосмонавта, продолжается невесть как оказавшимися в шкафу Кирилловым-Шамшуриным и Даниловой, наконец, в собственной постели Иванов обнаруживает записку с очередными стихами. Можно сказать, что личное пространство, за которое, нужно сказать, отчаянно борется герой, постепенно сужается до минимального. Таким образом, ближе к финалу повесть начинает напоминать романы Кафки, в которых институты власти загоняют центрального персонажа в угол.

Фамилии двух персонажей, уличённых в слежке за Ивановым, – это двойные фамилии. Кириллов-Шамшурин, пробравшийся в шкаф Юрия, в самом начале повести предаёт главного героя, успев вос-

пользоваться его советом. Разговор с предателем предваряется следующими размышлениями Сверхкосмонавта: «Я всегда задумывался, почему у людей бывает двойная фамилия? Не знаю, как в других случаях, но в этом случае с Кирилловым-Шамшуриным была двойная фамилия, наверное, потому, что в нём жили два человека: Кириллов и Шамшурин» [3; 113]. Соглядатая Колесникова уже сам Юрий «награждает» второй фамилией, Вертишейкин. Роль этого персонажа действительно двойственна: он и постоянно следит за Ивановым, изучая его как таинственный случай, и пишет про него льстивую биографию. Но и в самом главном герое живут два человека – Иванов и Баранкин. Столкнувшись с новыми задачами, прежде ускользавшими из его поля изучения, Юрий сетует на то, что он теперь не является Кругом, идеальной фигурой. Круг ассоциируется не только с самодостаточностью и законченностью, в контексте произведения сразу вспоминается первая фамилия героя, происходящая от существительного «баранка». Таким образом, смысловой круг тоже замыкается, но явно не так, как хотелось бы Сверхкосмонавту.

Одной из основных проблем в научной фантастике, в том числе и в классических произведениях С. Лема («Солярис», «Непобедимый», «Мир на Земле» и др.), была проблема понимания, причём понимания не только инопланетного разума. Именно размышления о понимании и взаимопонимании на уровне подтекста проходят через весь сюжет повести В. Медве-

дева, отчётливо проявляясь в следующих фрагментах, которые представляют определённые этапы создания вакуума вокруг главного героя:

1. «приём передачи мыслей на расстоянии с помощью радиоазбуки Морзе я готовил для себя, вернее, для инопланетных путешествий: я думал, что во время разговора с инопланетянами, если мне нужно будет что-то незаметно сказать своим, то я и поморгаю им свою мысль» [3; 114]. В первых главах книги Иванов допускает вероятность того, что тот же Маслов может в будущем стать частью его команды, поэтому помимо инопланетян в отрывке и присутствуют «свои», команда единомышленников сверхкосмонавта.

2. «Где вы, братья по разуму?.. Они бы меня сейчас поняли, не то что эти братья по пению» [3; 244]. Во второй части Юрий пытается наверстать то, что он упустил в области искусства, отправляясь на урок музыки, но его искреннее желание проявить себя вызывает отрицательную реакцию и воспринимается как очередная скандальная выходка.

3. «Он инопланетянин... Вашего сына они похитили, а вместо него подослали двойника вашего сына! Может быть, у этих наших братьев по разуму, с одной стороны, так высоко развита техника, что они могут создавать двойника человека, а с другой стороны, эти братья, может, не такие уж братья и уж не по такому разуму, если судить по Юрию Иванову» [3; 251]. В данном отрывке одноклассники окончательно отка-

зываются видеть в Юрии «брата по разуму». Автор иронически осмысливает это часто употребляемое словосочетание. Получается, что наличие разума не гарантирует понимания, и Иванов перестаёт быть для своих сверстников и отца (не ещё ли одна параллель с творчеством Ф. Кафки?) человеком, превращаясь в непонятого и непонятого пришельца.

4. «Доверь ему встречу с инопланетянами, он нашу Землю поссорит со всеми галактиками!» [3; 258]. Характерно, что в данной сцене все реплики «обвинителей» сопровождаются именами и фамилиями говорящих, и только фраза, приведённая выше, остаётся без подобного указания. Коллектив, узнавший тайну Иванова-Баранкина, отказывает ему в доверии и в праве на полёт. Остаётся последняя надежда – на понимающего напарника.

5. «Мы заложили в электронно-вычислительную машину твой психологический портрет, и вот что нам ответила машина: ты, Баранкин, несовместим ни с одним космонавтом на всём земном шаре!» [3; 262-263]. Итак, даже в космосе Иванов-Баранкин обречён на полное одиночество.

Последняя глава повести, которую автор предисловия обозначает как вполне счастливое возвращение Иванова-Баранкина к нормальным человеческим чувствам, вызывает несколько иные ассоциации. Совершенно разбитый и бросивший тренироваться Юрий гуляет с Таней Тополёвой, - влюблённой в него одноклассницей, фактически вернувшей его со звёзд

на землю. Космос, звездолёты, иные миры остаются только в стихах, завершающих повествование.

«Ты никогда не полетишь в космос!» [3; 259] – категорично заявлял своему сыну отец Юрия. Но оказывается, что можно было обойтись и без категоричных запретов, как это сделала Таня Тополёва.

В повести В. Медведева ныне, как ни странно, обнаруживается много предчувствий, но не предчувствий космоса. Здесь звучит и традиционное для научной фантастики предупреждение о том, что рано человечеству налаживать контакт с инопланетным разумом, если люди пока не могут понять друг друга. Но, пожалуй, важнее образ женщины (Тополёвой), понявшей главного героя, но через сочувствие и сопереживание сумевшей заставить Иванова отказаться от мечты о покорении космоса. Можно говорить о перемене гендерных функций: в последней главе ослабевшего Иванова ведёт по своей дороге Тополёва – и это говорит о безусловной победе. От повести веет безнадежностью, поскольку поражение ждало героя в любом случае. Запрет, высказанный отцом, звучит как запрет, озвученный коллективным телом. В годы перестройки и в начале «нулевых» мечты о космосе перестанут волновать мальчишек, а утопические проекты о встрече с «братьями по разуму» так и останутся проектами. В свете финала явной становится ирония, заключённая в заглавии, – сверхприключения сверхкосмонавта закончились на планете Земля.

Литература

1. Быков Д. Советская литература. Расширенный курс. М., 2014.
2. Коршунов М. Счастливый круг счастливых людей // Медведев В. Фантазии Баранкина. М., 1985. С. 3-6.
3. Медведев В. Сверхприключения сверхкосмонавта // Медведев В. Фантазии Баранкина. М., 1985. С. 105-267.